

АЛЕКСАНДР ЛАПЕНКОВ

О героях былых времен...

Александр Петрович Лапенков

О героях былых времен...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10749572

ISBN 978-5-4474-1169-5

Аннотация

В сборнике публикаций разных лет «О героях былых времен...» собраны воспоминания поспелихинцев – участников Великой Отечественной войны – фронтовых разведчиков, артиллеристов, офицеров, рядовых солдат. Дополнительно в книгу включена исследовательская работа по страницам сайтов «Мемориал» (obd-memorial.ru) и «Подвиг народа» (podvignaroda.mil.ru) Министерства обороны РФ, в которой обобщены различные сведения о наших земляках.

Содержание

От Пospelихи до Берлина	6
Война и мир Василия Агафонова	6
Под грохот пушек и музыку баяна	18
Минометчик	27
Разведчик	36
Прямой наводкой по «тиграм»	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

О героях былых времен...

Александр

Петрович Лапенков

© Александр Петрович Лапенков, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

В сборнике публикаций разных лет «О героях былых времен...» собраны воспоминания поспелихинцев – участников Великой Отечественной войны – фронтовых разведчиков, артиллеристов, офицеров, рядовых солдат. Дополнительно в книгу включена исследовательская работа по страницам сайтов «Мемориал» (www.obd-memorial.ru) и «Подвиг народа» (www.podvignaroda.mil.ru) Министерства обороны РФ, в которой обобщены различные сведения о наших земляках.

Война неожиданно вторглась в жизнь наших отцов и дедов и основательно перемешала её. Недавние школьники стали мужественными солдатами, все они были настоящими героями. Им бы влюбляться, дружить, ошибаться и все по-новому и заново, да вот только война...

Автор выражает благодарность за помощь в подготовке материалов главному редактору газеты «Новый путь» Т. Кузьминой, сотрудникам газеты И. Решетняк, А. Гринь-

ко, начальнику архивного отдела администрации района Т. Москалевой, директору районного краеведческого музея Е. Савенковой. Особая признательность ветерану редакции газеты «Новый путь» А. Абдулиной.

От Пospелихи до Берлина

Война и мир Василия Агафонова

Ранний рассвет тушил звезды. Они медленно, будто удаляясь, теряли яркость и, наконец, исчезали. Василий смотрел в небо, но видел далекую степь в окрестностях Пospелихи. Там теперь сенокос в разгаре, запах разнотравья, звон перепелов. Хорошо там, спокойно.

Рядом, обхватив колени руками, сидел сибирский татарин Мустафа, откуда-то из-под Барабинска. Он то и дело цокал языком.

– Ты что, Мустафа? О чем думаешь? – поинтересовался Василий.

– Думаю о своей родине... Аул свой, отец, мать, отара овец, тайга...

Две недели назад Василия Агафонова, прибывшего в один из обескровленных, измотанных боями стрелковых полков Западного фронта из учебного подразделения, определили в пару к Мустафе вторым номером ручного пулемета Дегтярева, который за тарельчатый магазин солдаты в шутку прозвали «граммофон». Первый номер в совершенстве знал устройство и особенности своего «музыкального» оружия и помогал новичку, обучал его стрельбе по реально движущимся

щимся мишеням – фигуркам, жмущимся к танкам немецких солдат. Вот уже неделя, как они вступили в бой. Три раза занимали эту высоту. Дважды немцы выбивали их. Вчера сделать это они не сумели. На нейтральной полосе валяются трупы в серо-зеленых мундирах. Там же кучами сторевшего железа остались три немецких танка и две самоходки. Но это ничто в сравнении с сотнями искалеченных, сожженных машин под городом Сухиничи. Василию пришлось побывать там не по своей воле. После того как вчера контратака немцев была отбита и наступила передышка, к окопу пулеметчиков подошел командир роты, старший лейтенант Моргунов.

– Вот ты, как тебя... ты, Агафонов, быстренько в Сухиничи. Знаешь? Вот и хорошо, там, на южной окраине, в подвале не то кирпичного завода, не то еще... Там КП артиллерийского полка. Найдешь подполковника, командира, передашь донесение. Понял? Ну давай.

Сухиничи найти было нетрудно, оттуда доносился рев множества танковых двигателей, пушечные выстрелы, треск пулеметов. Василий нашел подвал, о котором говорил командир роты, но там был лишь один связист. Левая рука его была обмотана окровавленным бинтом и висела на перевязи. Правой рукой он неуклюже вталкивал в фанерный ящик телефонный аппарат и трубку.

– Перенесли КП. Куда, не знаю, мне приказано идти в санбат.

Василий двинулся в обратный путь. Над Сухиничами ви-

села сплошная мгла. То была пыль, поднятая множеством танков, дым, резкий запах сгоревшего топлива, сажа. В двадцати пяти – тридцати шагах ничего не было видно. Солнце, ярко светившее там, над окопами батальона, здесь виделось, будто к глазам приставлено закопченное стекло. Через такое стекло когда-то давно, в детстве, он наблюдал солнечное затмение, и дневное светило виделось тусклым куском. То и дело из полутьмы вырисовывались танки, наши и немецкие, искореженные, с пробитыми бортами, оторванными башнями, разорванными гусеницами. Уже сожженные или еще чадающие смрадом горячей краски и железа. «Сколько же их тут, – подумал Василий, – пятьдесят, сто? А может, больше». В стороне, перекатываясь то вправо, то влево, продолжал греметь бой. Несколько танков промчались совсем близко. Что-то тяжелое со скрежетом и воем ударилось о землю неподалеку от Василия. По его спине побежали холодные колючки. От страха ноги стали мягкими, будто ватными, он увидел вращающуюся, как юла, металлическую болванку. «Снаряд! Рванет! Вот она, моя смерть!».

Сколько времени вращалась она, его смерть? Секунду? А может, час? Он не знал, не соображал. Наконец, понял, что это не снаряд, а бронебойная болванка и не взорвется. Но ноги все-таки сами собой рванулись в сторону от этого опасного соседства...

Его воспоминания, от которых сейчас холодело где-то под ложечкой, прервало шипение ракеты, взлетевшей позади

окопов. Она разбрызгивала красные искры. И тотчас же поле взорвалось сотнями орудийных залпов, над головами с металлическим шелестом полетели снаряды, немецкие окопы озарились взрывами.

– Началось! – крикнул Мустафа. – Давай в окоп, немца тоже стрелять будет.

Они прыгнули вниз, опустились на приступки, привалясь спиной к холодной дрожащей стенке окопа. За линией обороны вздыбилась земля, потом впереди, по сторонам немцы тоже начали обстрел, но недружно, вразнобой, видно, не ожидали, что русские начнут первыми. Всю неделю каждое утро они начинали бой. И вот теперь...

Мустафа что-то кричал Василию, указывал рукой вверх, сверкая белыми зубами. В грохоте залпов и разрывов снарядов и мин не было слышно его слов. Но по глазам было видно: он доволен. Василий глянул вверх. Там с коротким завыванием мелькали огненные смерчи. Это на помощь пришли «Катюши». Артподготовка длилась не меньше одного часа. Изредка выглядывая из-за бруствера, Василий видел над передним краем немцев сплошной огненный вал, вздыбившуюся под взрывами землю, обломки бревен, куски бетона и еще каких-то предметов. Над нашими окопами взлетела вторая, уже зеленая ракета. Это был условный сигнал к началу атаки, артподготовка прекратилась, стало тихо. Только на правом фланге немцев, захлебываясь, сердито продолжал стучать крупнокалиберный пулемет. Пули иногда поднима-

ли с бруствера и впереди него фонтанчики земли.

– За мной! Вперед! – услышали пулеметчики охрипший от напряжения голос командира взвода Шутеева, безусого мальчишки, с одним кубарем в петлицах.

Передовая ожила. Солдаты дружно выскакивали из окопов и, стреляя на бегу, двинулись к траншее немцев. Первую линию обороны захватили, не почувствовав сопротивления врага. Надо было с ходу, на плечах отступающих, брать вторую. Так вчера разъяснял батальонный комиссар Карелин. Он собирал солдат где-нибудь в просторном окопе, беседовал, учил, советовал.

Но дальше получилась заминка. В рядах наступающих начали рваться мины. Опомнилась и пехота противника; застрочили пулеметы, автоматы, пригнув наступающих к земле. Но взводный торопил, призывно размахивал рукой. Василий, крепко сжав винтовку, короткими бросками бежал за ним, одновременно не упуская из виду своего напарника, который устремился на фланг в надежде найти подходящее место для стрельбы. Он должен быть рядом с ним, ведь у него в вещевом мешке боеприпасы к пулемету – три запасных 47-зарядных диска. Вот спасительная воронка, Василий скатился на дно и уткнулся лицом в рыхлую от недавнего взрыва землю, она пахла сгоревшей взрывчаткой, дымом, сыростью.

«Дают, сволочи! Эх, перекантоваться бы здесь пока не закончится эта окаянная бомбежка, тогда и вперед! – подумал

Василий. – «А как же Мустафа, Шутеев, другие ребята? Ладно, некогда тут разлёживаться, пора подниматься. Мама, моя родная мама! Ты меня всегда выручала. Сделай так, чтобы я остался жив. Помоги!»...

Василий, преодолевая страх, приподнялся для оценки своей диспозиции. Но тут сзади его грохнул мощный взрыв, по прикладу винтовки рубанул осколок...

«Почему же я так тяжело упал?» – пытался сообразить Василий и ощутил вдруг головокружение и тошноту.

– Ранен? – как-то очень тихо прохрипел ему, взявшийся неизвестно откуда, взводный, дотронувшись пальцами до щеки Василия.

– Ничего не вижу, да и со слухом у меня что-то не ладно, – со стоном ответил Василий, протирая ладонью забитые землей глаза.

– Крови нет, похоже, тебя контузило.

Взводный приказал ему оставаться на месте.

– Санитары там, в лощине, левее немецких траншей. Сейчас дам им знать. Но имей в виду, на поле, кроме тебя, лежат наши раненые и много убитых...

Долго ждал боец, пока до него доберутся санитары. И как-то неожиданно сознание покинуло его...

Он очнулся от острой боли во всем теле. Словно сквозь пелену тумана рассмотрел, как молоденькая санитарка возилась с его глазами, промывая какой-то жидкостью. Голова уже была забинтована.

– Если бы не каска, быть тебе уже на небесах, – безразлично усмехнулась медичка. – Везучий ты, хлопец! И неожиданно всхлипнула: «А мой-то старлей того... убили. А ты еще девчонок любить будешь...».

Часа через два Василий был в медсанбате. Раненых укладывали на подводы, на машины и отправляли в тыл...

Госпиталь в Перми... На этом, как говорил сам Василий Борисович, настоящая война для него собственно и закончилась. Тяжелейшая травма – контузия органа зрения – такой диагноз поставили военные врачи. Но списывать не стали – в армии есть много нужных и важных профессий, где совсем необязательно метко стрелять...

После излечения Василий попал в запасной авиационный полк, где полгода проучился в школе младших авиаспециалистов. Изучал бомбардировщики Пе-2, Ил-4, ДБ-3.

– В апреле 1943 года, после сдачи квалификационных экзаменов, меня назначили на службу мотористом в бомбардировочном полку 1-й Воздушной армии, которая действовала в составе 3-го Белорусского фронта, – рассказывал ветеран. – За каждым самолётом для технического обслуживания были закреплены моторист и механик. Прибористы и оружейники занимались своей работой, а мы, технари, контролировали состояние двигателей. Поднимались затемно и немедленно принимались за дело. Основное внимание уделяли скрупулезной проверке всех креплений агрегатов мотора, с тем чтобы исключить подтёки масла и горючего. Ведь даже небольшой

недосмотр на земле угрожал экипажу тяжелыми неприятностями в воздухе.

В замечательном советском кинофильме «В бой идут одни старики» есть интересный кадр, когда механик, провожая на очередное боевое задание свой истребитель, незаметно его крестит.

– Мы вместе с механиком, провожая в полет нашу «пешку» (так авиаторы называли двухмоторный пикирующий бомбардировщик Пе-2), кажется, не крестили, но всегда желали экипажу самолета мягкой посадки на своем аэродроме и страшно беспокоились в ожидании его из боя.

Однажды Василий на своей фронтовой дороге встретил земляка с Алтая Павла Неганова. Вот это была большая радость! Обнялись, поговорили о житье-бытье, родных местах и разошлись навсегда.

В феврале 1945-го армия перебазировалась в Восточную Пруссию, где в большом «котле» агонизировала окружённая группировка гитлеровских войск. Бомбардировщики нанесли мощные удары по войскам противника в городе-крепости Кёнигсберг. Василий весь в мазуте, от зари до глубокой ночи кропотливо копался в своих машинах.

В то время авиадивизия, в строевой состав которой входил и бомбардировочный полк, располагалась на полевом аэродроме в районе города Эльбинг на побережье Данцигской бухты.

Василий Борисович Агафонов. 1945 г.

В одну из теплых майских ночей старший сержант Агафонов стоял на охране штаба и случайно услышал по радио правительственное сообщение о подписании акта о безоговорочной капитуляции Германии. Как оказалось, эту долгожданную новость он услышал не один, потому что почти сразу же окрест началась пальба в воздух. Это наши солдаты и офицеры салютовали в честь Великой Победы. Ура!!!

...Жизнь после возвращения из армии демобилизованный воин начал с учёбы – поступил в педагогическое училище в Рубцовске, одновременно работал учителем начальных классов, вскоре женился и даже продвинулся по службе – стал директором начальной школы. Неизвестно куда бы привела его педагогическая стезя, только в 1950 году его пригласили на работу в редакцию поспелихинской районной газеты, на должность литсотрудника. Сбылась его мечта, ведь он всегда любил писать: любовь к литературе, сочинительству у него была с раннего детства.

Почти четверть века проработал В. Агафонов корреспондентом газеты «За сталинский урожай» – «Новый путь». Каждый, кто знал Василия Борисовича, согласится со мной, что его отличали интеллект, высокая внутренняя культура, порядочность. Он никогда не лез в душу, был добрым по натуре. Земляки-поспелихинцы видели в нем правдивого и честного журналиста. Материалы, в том числе очер-

ки, документальные рассказы, автором которых он являлся, не подлежали сомнению. Они были интересны, правдивы, не содержали домыслов, посвящались конкретным людям, событиям. Их всегда хотелось читать. Особенно любил писать о войне – эту тему он хорошо знал «изнутри».

Но последствия фронтовой контузии все чаще и чаще давали о себе знать. В конце 70-х Василий Борисович практически полностью ослеп. Кромешная тьма пришла в его жизнь! Было от чего впасть в отчаяние. Спасли природная сила духа, поддержка близких людей, друзей. Он смог освоить чтение по Брайлю, слушал записанные на кассетах книги, которые высылали из спецбиблиотеки Барнаула.

С годами Василий Борисович настолько освоился в быту, что за ним не поспевал и иной зрячий. Более всего удивляло соседей, как он самостоятельно колол дрова. Причем колун в его руках редко-редко промахивался по чурке. Я, кстати, тоже однажды совершенно случайно оказался свидетелем такого «номера» и, как все, был в большом изумлении.

А еще Василий Борисович всегда слыл заядлым рыбаком. Свое увлечение не оставил даже когда погрузился в темноту. Правда, в этом ему помогал друг – Сергей Федорович Музалевский, тоже инвалид войны, у которого не было ноги. Они всегда вместе ездили на рыбалку. Василий Борисович садился в лодку, а Сергей Федорович с берега командовал товарищу, куда надо плыть и в каком месте ставить сети. Работники рыбоохраны замечали нарушение правил, в части использо-

вания сетей, но никогда не трогали инвалидов-фронтовиков. Видимо, не позволяла совесть.

Несмотря на инвалидность, Василий Борисович находил применение своим богатым знаниям, большому житейскому опыту, немалым творческим способностям. Постоянно писал материалы на различную тематику в родную «районку». Для этого пользовался решеткой, которую сам сделал из проволоки.

За свои ратные дела и трудовые успехи В. Агафонов награждён орденом Отечественной войны I степени, медалями «За взятие Кёнигсберга», «За победу над Германией», «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» и др.

Такова судьба простого русского солдата, который прошел всю войну не в штабах, не в тылу, а на передовой линии, часто под открытым небом. В последующем достойно трудился в мирной жизни. Он до конца выполнил свой воинский и гражданский долг.

16 апреля 2015 г.

Под грохот пушек и музыку баяна

Биография Павла Акименко простая. Родился в многодетной семье, рано осиротел. В двенадцать лет уже работал наравне с мужиками в коммуне «Пахарь-Заря», что была организована на месте будущего поселка Факел Социализма.

– Хозяйство было большое, – вспоминает Павел Иванович. – Много земли, скота, лошадей. В общей сложности работало семь бригад. В коммуне были кожевенный и кирпичный заводы, пимокатня, пошивочная мастерская. Да что там говорить – своя электростанция была! Единственная в округе – об электричестве в районе тогда только мечтали.

...Когда началась Великая Отечественная война, Павлу Акименко исполнилось девятнадцать лет. Но на фронт его в первую мобилизацию не взяли, а как конюху дали задание – обучить «фондовских» лошадей для езды верхом и в тачанке. И только в 1942 году, после того как Павел выполнил приказ – подготовил трех хороших лошадей к отправке на фронт – его призвали в армию. Сначала молодой сибиряк попал в Бийский учебный полк. Занятия шли по пятнадцать-восемнадцать часов в сутки, чередуясь с многокилометровыми марш-бросками по труднопроходимой местности. Бойцы буквально валились с ног от усталости и засыпа-

ли на ходу. «Тяжело в учении, легко будет в бою», – подбадривали молодежь отцы-командиры, многие из которых уже успели понюхать пороху. Но все когда-нибудь заканчивается и учеба тоже. Однажды их погрузили в эшелон, который взял направление на запад...

В знаменитом сражении на Орловско-Курской дуге командир ротного пулемета «максим» Павел Акименко в составе стрелкового полка принял боевое крещение.

Еще не обстрелянные сибиряки оказались в настоящей мясорубке. Казалось, все небо было закрыто вражескими бомбардировщиками – так много их было. Они буквально висели над передовой линией обороны, не давая бойцам поднять головы.

– Было очень страшно, – вспоминает Павел Иванович. – Ведь всем казалось, что каждая бомба летит именно в него. А мы и окопаться-то толком не успели... Это уже потом безошибочно научились определять по траектории полета бомбы и по свисту и вою мины место их падения.

В одном из боев Акименко был ранен в плечо. Командир роты тогда объявил, что написал представление о награждении нескольких особо отличившихся воинов орденами. Но на другой день он погиб, а раненых бойцов направили в госпиталь. А правда, сколько фронтовиков по разным причинам не получили свои награды! В суете боев и госпиталей на это никто особенно не обращал внимания. Главное – жив, и слава Богу.

После лечения Павел попал в артиллерийский полк крупнокалиберных 76-миллиметровых орудий.

– Самое хреновое в артиллерии – только вкопаешь орудие, подготовишь его к бою, а тут приказ – сниматься с позиций. Зря, выходит, 5 кубометров земли перелопатили. Ребята матерились – столько труда насмарку!

В составе своего полка Акименко участвовал в разгроме немецких войск в Корсунь-Шевченковской операции, потом была Молдавия. Сначала месяца три держали оборону, а потом, в начале августа 1944 года, перешли в наступление. Тут Павла Ивановича вновь серьезно «прихватило»: осколочное ранение в ногу. Сначала даже не понял, что к чему – вместе с друзьями находился возле штаба. И вдруг – взрыв! Несколько товарищей тут же упало, а он продолжал стоять. Идти не мог – ноги как ватные, а боли нет. Посмотрел вниз – сапог полный крови. Сразу в медсанбат. Подлечился и снова на передовую. Кстати, всем, кто освобождал Кишинев, Верховный Главнокомандующий после войны обещал в этом городе благоустроенные квартиры. Конечно, никакого жилья Павел не получил, у него сохранилась только Благодарность от Верховного...

А потом последовали бои в Румынии и третье ранение – и опять в ногу. После госпиталя попал в полковую разведку. За линию фронта приходилось ходить не только за «языком», но и с диверсионными целями. Как-то приказали уничтожить или лучше захватить наблюдательный пункт румын-

ского полка. Задание было выполнено без потерь.

– Румыны жили бедно: на всю деревню одна-две печки, где по праздникам пекли хлеб, – вспоминает фронтовик. – Крыши домов покрыты соломой. Основное питание – мамалыга. В румынских деревнях красноармейцев встречали исполнением «Катюши» на скрипках.

Затем была Венгрия, Австрия и освобождение ее столицы Вены...

– Самое страшное на войне, – делится ветеран, – терять друзей. Бывало, идешь в атаку, и вдруг рядом твой товарищ падает. Подбежишь, перевяжешь, а он на твоих руках умирает. Тяжело! Хотя на войне иногда удивительные случаи бывали. Как-то во время боя одному нашему бойцу осколком располосовало живот – внутренности наружу. Я, как мог, все сложил и перевязал бойца. Ну, думаю, все равно умрет. А через три месяца, смотрю, идет мой знакомый, как ни в чем не бывало. Оказывается, спасли его тогда врачи и никакая инфекция от моих грязных рук к нему не пристала.

В 45-м Акименко стал старшиной роты. Командир объявил, как отрезал: принимай хозяйство.

– Я и принял – склады, столовую – в общем, все, что положено. Для солдат постарался создать нормальные бытовые условия. Многих потом достойно проводил домой.

Об окончании войны мой собеседник узнал в Восточной Пруссии. На радостях гуляли всю ночь: везде стрельба, песни, пляски... Павел не выпускал из рук баян. До войны он

неплохо играл на балалайке и гармошке, в армии в его руки попал трофейный баян, который освоил самостоятельно. Этот музыкальный инструмент до сих пор сопровождает его по жизни.

Павел Иванович Акименко

После боевых действий Павел прошел отбор для участия в параде Победы в Москве от 2-го Украинского фронта. Маршировали целыми днями, отработывали каждое движение. Но Акименко не выдержал таких интенсивных тренировок – нога стала распухать и кровоточить, сказались ранения.

...Домой солдат вернулся в звании старшего сержанта в 1945 году. Легких путей искать не стал – снова пошел в колхоз. Сначала работал трактористом, потом бригадиром.

Сейчас инвалид Великой Отечественной Павел Иванович Акименко, как и прежде, живет в поселке Факел Социализма. Из фронтовиков он остался один. А когда-то было 28 человек. Часто ветерана беспокоят бывшие раны, мучает высокое давление, но до сих пор он находит в себе силы содержать в порядке свое подворье. Семейный стаж ветерана насчитывает 64 года. Вместе с женой Любовью Федоровной они воспитали двух дочерей – Галина учительница, а Татьяна работает экономистом.

За доблесть и мужество, проявленные в годы Великой Отечественной войны, П. И. Акименко награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны 1 и 2 степени, медалями «За отвагу», «За взятие Вены», «За победу над Германией».

Павел Иванович никогда не считал себя героем.

– Мы так жили, – просто заключает он. – Если воевать – то честно. Если работать – то на совесть.

Блиц-интервью.

– *Павел Иванович, а как насчет фронтовых 100 граммов?*

– Наливали, особенно перед атакой или когда за линию фронта идешь. Но я молодой был не пил и не курил.

– *Согласно приказу №227 «Ни шагу назад» появились заградотряды...*

– Да, сзади нас стояли войска НКВД. Вперед побежишь – убьют «за Родину», назад – как изменника Родины. Что хочу сказать: за все время в нашей в роте был только один «самострел». Боец слабый характером оказался, пульнул себе в руку – его потом расстреляли перед строем. Обидно – трусом человек-то не был. Все из-за любви... Да, такие страсти порой кипели – не смотри, что война... Но это длинная история...

– *Дед-сосед в свое время рассказывал, что, бывало, свои по своим «прикладывались»...*

– Было дело. По нашему полку однажды отбомбилась наша же авиация – много тогда ребят полегло.

– *Посылки домой высылали?*

– Я за всю войну отправил одну посылку. Помню, положил туда летный комбинезон и несколько отрезков кожи – в деревне ведь нечего было одеть. Офицерам разрешалось посылки высылать чаще.

– *Приходилось ли сталкиваться с власовскими частями РОА?*

– Да, конечно. Эти бились до последнего патрона... Но и у нас не было жалости ни к оккупантам, ни к предателям. На войне как на войне...

20 февраля 2010 г.

Минометчик

Николаю Акульшину довелось окончить всего два класса. Только-то и научился читать, писать да считать. Дальше дорогу в школу закрыла беспросветная крестьянская нужда. Семья была большая, и потому каждый кусок хлеба был на счету. С 12 лет Николай уже вовсю работал в колхозе. Зимой управлялся вместе с женищинами на свиноферме, а летом местом его работы было поле. Будь то посевная, сенокос, уборка урожая – нигде не обходилось без его мальчишеских рук.

Жизнь шла своим размеренным чередом. В газетах и на собраниях осуждали и клеймили очередных врагов народа, прославляли стахановцев, рапортовали «вождю всех времен и народов» товарищу Сталину о новых трудовых победах.

А в это время в небе уже пахло грозой. И она грянула 22 июня 1941 года. О том, что битва будет жестокой, унесет десятки миллионов жизней и продлится почти четыре года, тогда никто и подумать не мог. Ведь войны были и до этого – японская, финская. Но их последствия люди ощущали как-то слабо. Хотя жертв с нашей стороны и было много (это мы сейчас знаем), но по своим масштабам они не сопоставимы с Великой Отечественной.

...Война взяла на учёт всех мужиков. На деревне остались только немощные старики, женщины да дети. Они-то и работали в колхозе, вытягивая из себя последние остатки сил, чтобы выполнить планы по продаже государству хлеба, молока, мяса.

В начале января 1943 года в Ботенево из военкомата привезли на лошади повестку. Расписался Николай в ее получении, собрал немудреные, но нужные в дороге пожитки и двинулся в Пospelиху на сборный пункт.

Николай Никитович Акульшин

Повезло – не повезло, как тут скажешь, но попал Николай в Бийский запасной полк. Там пришлось проходить азы военного дела, учиться метко стрелять, умело колоть штыком, ползать по-пластунски, точно в цель бросать гранаты. Но все когда-нибудь кончается. Вот и учебный полк в мае 1944 года в полном составе был погружен в эшелон и отправлен в район боевых действий под Великие Луки. Как выяснилось, сибиряки меняли истрепанные в боях части, которые в кровопролитных боях понесли большие потери: от личного состава в строю оставалось только 20 —30 процентов.

Николай Акульшин воевал в составе 182-й стрелковой дивизии на 2-м Прибалтийском фронте, которым командовал прославленный военачальник, генерал армии А. И. Еременко.

К концу 1944 года наши войска, преодолевая упорное сопротивление противника, с боями вышли к границам Восточной Пруссии.

– Нам противостояла группировка «Север», в которую входили хорошо обученные, закаленные в боях немецкие части, – вспоминает Николай Никитович. – Очень сильно был укреплен город Кенигсберг – центр Восточной Пруссии. Развита полевая оборона опиралась на 15 крепостных фортов вокруг города, еще 9 фортов были непосредственно на его территории. Кругом минные поля, доты, дзоты, различные

инженерные сооружения. Гарнизон города-крепости насчитывал 130 тысяч человек.

Николай Никитович Акульшин

Четверо суток непрерывно с воздуха и моря по городу наносился огневой удар. Без этой артподготовки город взять было невозможно. Потом начался штурм, и 9 апреля 1945 года кенигсбергская группировка была ликвидирована.

Фронтальная специальность Николая – минометчик. Вот уж пришлось потаскать эту «игрушку», что до сих пор фронтовик помнит вес миномета вплоть до грамма: ствол – 19 килограммов, лафет – 18,6, плита – 26 килограммов. А если в вещмешок вместо хлеба положить еще пару мин, что, по словам моего собеседника, зачастую и бывало, то можно представить, каково приходилось бойцам менять позицию или идти в походном строю.

Из боевых наград у Николая Никитовича орден Славы III степени. Это за меткий выстрел. Когда минометный расчет, в котором он был заряжающим, истратив только две мины, уничтожил три пулеметных точки противника, тем самым дал возможность пехоте продолжать наступление. Среди медалей: две «За отвагу», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией». За каждой наградой – тяжелая фронтальная работа: отвага, риск, ну и, конечно, – везение. Счастлив тот, кому на войне выпала удача, помог счастливый случай.

9 мая 1945 года сержант Акульшин встретил за Кенигсбергом у моря. Ох, и посаютотовали тогда бойцы радостному известию! Много патронов перевели, отмечая оконча-

ние войны. Она всем надоела, хотелось домой. Вот и Николай, получая из дома редкие весточки, зачитывал письма до дыр, знал почти наизусть все деревенские новости. Из писем узнал, что сложил на поле брани свою голову старший брат Петр.

Домой Николай вернулся только в феврале 1948 года. Перед его глазами предстала безрадостная картина – разруха, голод. В военкомате ему посоветовали: бери, солдат, паспорт, пока есть возможность (тогда не так-то просто было получить этот документ) и уезжай куда-нибудь в город. Но не послушался этой рекомендации фронтовик, остался в деревне. Вскоре женился на полюбившейся односельчанке Надежде Абысовой. Потом, как полагается, появились дети – две дочери и сын.

Трудовая биография Николая Никитовича – это колхоз, работа на ферме. Работал добросовестно, к чему был приучен с детства.

В 1979 году, когда деревню Ботенево по чьему-то распоряжению объявили неперспективной, семья Акульшиных переехала в поселок Хлебороб, где и живет в настоящее время.

Николай Никитович, несмотря на возраст, человек подвижный, энергичный, разговорчивый. С ним интересно беседовать. До сих пор фронтовик принимает активное участие в общественной жизни села.

В нынешнем юбилейном победном году Акульшины бу-

дут отмечать и свои семейные праздники – в декабре 70 лет исполняется Николаю Никитовичу, ну и бокал шампанского поднимут за 45-летие совместной жизни супружеской четы.

Крепкого вам здоровья, долгих лет жизни, Николай Никитович и Надежда Фроловна!

7 апреля 1995 г.

Разведчик

Иван Анашкин впервые надел солдатскую шинель в августе 1942 года, когда исполнилось восемнадцать, а значит, пришел и его черед защищать Родину. Поначалу попал в Рубцовское пехотное училище. Там учили всему тому, что положено делать на войне – и из винтовки стрелять, и штыком колоть, и по-пластунски ползать. Но учеба оказалась недолгой. В связи с ожесточенными боями фронт требовал все новых и новых пополнений. В 1943 году курсанты заняли оборону под Белгородом. Здесь и принял Иван свое боевое крещение.

В одной очень хорошей песне есть такие строчки: «Последний бой, он трудный самый...». Однако для солдата, как говорят фронтовики, самым трудным является первый бой. Учеба учебой, а все-таки настоящий бой – совсем другое дело. Там ведь не холостыми стреляют. К тому же неопытно-го бойца легче на мушку взять. Свистнет, к примеру, пуля, и новичок сразу же бряк на землю. Не знает он, что «услышанная пуля – не твоя». Она уже мимо пролетела. Падать на землю поздно, да и ни к чему. Опытный солдат это хорошо знает. Он тут же рывок вперед сделает, а на месте лежать не станет, не даст противнику прицел уточнить. Всей этой солдатской наукой, наукой воевать, Иван за годы вой-

ны овладел, что называется, в совершенстве. А поначалу, конечно, страшновато было. Но не струсил в том первом бою. И в атаку ходил, и лежа в обороне под вой снарядов и мин отбивался от наступающих гитлеровцев. Но кто воюет, тот и получает. Получил и Иван – левую руку пронзила очередь из шмайссера. После госпиталя – снова в бой, на передовую! Воевал в составе 16 гвардейской дивизии, по должности – командир отделения 114 отдельной разведроты. Короче говоря, был Иван войсковым разведчиком.

– Делали свое дело мы в основном ночью, – вспоминает Иван Степанович. – Хотя и днем было не до сна, прежде чем идти в тыл к врагу, надо заранее изучить местность, уточнить ориентиры. Самое главное – преодолеть «ничейную» землю. Трудная это работа. «Нейтралка» простреливается вдоль и поперек всеми видами оружия. Да еще на ней мины лежат и колючая проволока натянута. К тому же запросто можно нос к носу столкнуться с немецкими разведчиками...

«В бой идут одни старики!». Алина Балужева, 8 лет, с. Поспелиха

Не раз и не два приходилось Ивану переползать на животе такую ничейную полосу. Не раз лежал на ней под жестоким огнем артиллерии. Во время очередного рейда по тылам противника получил свое второе ранение, правда легкое, уже в другую руку. Вероятно, рядом с хорошими людьми уютно всем. Выбрала тень смерти в попутчики себе Ивана Степановича, и в третий раз дала о себе знать. Но опять, к радости всех, оплошала. У немецкого снайпера то ли сбился при-

цел, то ли в последний момент дрогнула рука. Пуля обожгла Ивану только ухо. Еще бы чуть-чуть в сторону – пошла бы похоронка в Углы, далекую алтайскую деревушку. Но, видно, кому что на роду написано. Тот след от пули до сих пор у Ивана, как недобрая память о войне.

Зимой сорок четвертого наградили сибиряка орденом Славы III степени – за взятие «языка». Немецкого фельдфебеля притащил он тогда со своими ребятами из вражеского тыла. Пленный дал ценные сведения, интересующие наше командование.

– Жили мы, разведчики, что скрывать, неплохо. Голодными никогда не были. Да и так, что необходимо, было всегда. Ну, если уж разведчик себе не достанет, тогда кто? И водку пили, что правда – то правда. Но так, немного. Когда идешь в группу захвата, всегда по 100 граммов на брата выставляли. Больше старшина не нальёт, это сто процентов. Дисциплина была, Сталину были преданы. Из песни слов не выкинешь, да и зачем? Историю ведь не переделаешь. «Вперед! За Сталина!» – кричали ведь не от страха перед СМЕРШем, вера была. Вера, считаю, и победу позволила одержать – это главное.

...Фронтowymi дорогами прошагал разведчик Украину, Польшу, Румынию, Венгрию. Участвовал в штурме Кёнигсберга. Страшное это дело – идти по земле, которая только-только освобождена. Деревни сожжены, мосты взорваны, все телефонные столбы повалены. Каждая шпала на желез-

ной дороге перебита пополам. Все, что можно взять – увезено, а чего нельзя взять – уничтожено. Но идти, когда не стреляют, это одно, хотя тоже, к слову сказать, довольно тяжело, особенно с полной боевой выкладкой. А ведь Анашкину с товарищами приходилось воевать. Да не на жизнь – на смерть. Немцы никогда не уходили подобру-поздорову – держались до последнего. С боем приходилось брать почти каждый населенный пункт.

Спустя годы, обходя подробности и детали, просто говорить о прошедшем. А ведь на войне был ад, который не описать никакому художнику.

9 мая 1945 года разведчик встретил в столице Чехословакии – Праге. Все! Войне конец!

И еще одну дату хорошо запомнил гвардии старший сержант – 6 декабря того памятного для всех года. В этот день его по болезни демобилизовали из армии.

В начале 46-го доехал Иван до Пospelихи, а со станции шел пешком до своих родных Углов, на попутку надеяться было бесполезно. Долго отдыхать не пришлось – в колхозе была на счету каждая пара мужских рук. Вскоре женился. Взял в жены местную девушку Аннушку, с которой переписывался всю войну. Выбор оказался верным. Подтверждение тому время – до сих пор Иван и Анна рядом друг с другом. Вырастили и воспитали пятерых детей. А еще есть у них 17 внуков и 7 правнуков. Вот какие они богатые!

В 1971 году, после того как деревенька Углы стала вдруг

неперспективной и ее по-тихому ликвидировали, переехал Иван Степанович в совхоз «Поспелихинский», в поселок Большевик, где и работал до выхода на пенсию бригадиром животноводства.

Смотрю на таких, как Иван Степанович, и всегда думаю: какой же надо иметь запас жизненной энергии, чтобы столько трудностей пережить. Такие вот деревенские мужики и воевали, и работали, отдавали все силы. И вовсе не их вина в том, что под старость остались они один на один со своей немощью. Идут на поклон, чтобы выпросить в хозяйстве машину для подвозки топлива, отремонтировать дом или приобрести корм...

В этом юбилейном году бывшему войсковому разведчику исполнится 71 год. Воспоминания о фронтовых годах для Ивана Степановича еще и воспоминания о юности, молодости. Как много воды утекло с тех незабываемых лет! Прожита целая жизнь. Прожита достойно.

16 января 1995 г.

Прямой наводкой по «тиграм»

Все дальше и дальше уходит от нас война. Все меньше остается ветеранов. С каждым годом редет строй убеленных сединами старых воинов. Надевая пиджаки с наградами только на праздник, они не всегда могут сдерживать слезы, вспоминая прошедшие бои Великой Отечественной, своих боевых товарищей, родных и близких, боль потерь и радость Победы.

Алексей Федотович Андреев родился в 1924 году в простой крестьянской семье в д. Генералка Чарышского района. Семья жила скромно – родители, как и многие тогда, трудились от зари до зари в колхозе. Дети помогали им в поле и на ферме, ухаживали за домашним хозяйством.

Но началась Великая Отечественная война. Поначалу эту весть люди восприняли без особого страха – и до этого было немало военных конфликтов. Все твердо верили, что завтра, послезавтра, ну, в крайнем случае, через неделю, Красная Армия разобьет фашистов на границе и очередной инцидент закончится нашей победой. Правда, вскоре энтузиазма заметно поубавилось. Все чаще сводки Совинформбюро сообщали, что в результате тяжелых и упорных боев наши войска оставили то один, то другой город. А когда с фронта в массовом порядке стали приходиться похорожки, люди поня-

ли, что на нашу страну напал сильный, жестокий и коварный враг. Для того чтобы его разгромить и изгнать с советской земли придется положить немало жизней.

Окончательно все стало ясно, когда 3 июля 1941 года перед страной по радио выступил председатель комитета Обороны страны И. В. Сталин. Он сообщил об обстановке на фронте и призвал многонациональный советский народ на священную войну с фашистской Германией.

Алексей Федотович Андреев

Алексей Андреев, только что закончивший десять классов, в ряды Красной Армии был призван в августе 1942 года и отправлен в город Канск, там, в полковой школе, ему предстояло учиться на младшего командира. Изнурительные занятия по обращению с оружием, стрельбе, приемам рукопашного боя, выматывавшие все силы, продолжались несколько месяцев. Поэтому бойцы даже обрадовались, когда пришел приказ грузиться по вагонам – их отправляли на Центральный фронт.

На место эшелон прибыл ночью. Из вагонов пехотинцы пересели в автомашины и долго тряслись по сельским дорогам. Вскоре узнали, что должны сменить часть, которая понесла серьезные потери в личном составе. В полной темноте занимали позиции, оставляемые поредевшим в боях подразделением. Время до рассвета ушло на мало-мальское обустройство и подготовку к бою.

– Утром после бомбардировки и минометного обстрела, – вспоминает Алексей Федотович, – фашисты под прикрытием танков предприняли наступление на наши позиции. Они, наверное, не ожидали, что нарвутся на свежие силы. Бой был яростный и короткий, неся большие потери, противник отошел. Но это было только начало. Через некоторое время начался артиллерийский обстрел. Мы оказались в кромешном аду. Рвались мины и снаряды, поднимая в воздух тучи земли. Дым, огонь, рев, грохот, где небо, где земля – все смешалось. Еще не смолкли залпы вражеских орудий, когда наш

пехотный батальон под прикрытием танков пошел в атаку. Я со своим отделением находился на броне «тридцатьчетверки». Мы быстро двигались вперед, уже были видны окопы противника. И вдруг – взрыв! – наш танк, видимо по инерции, еще несколько метров проутюжил землю и загорелся. Несколько человек погибло на месте, а я видно родился в рубашке – получил только осколочное ранение в руку. На этом первый бой для меня закончился. Помню, что потери у нас были большие. Для многих солдат первый бой оказался последним. Но мы удержали позиции, ни на шаг не отступили.

После излечения в госпитале Алексея Федотовича определили в артиллеристы. Он стал командиром расчета 76-мм дивизионной пушки 50 отдельного истребительного противотанкового дивизиона в составе 2-го Белорусского фронта под командованием маршала К. Рокоссовского.

По многим военным тропам вместе с другими солдатами прошел сибиряк. Принимал непосредственное участие в боевых операциях и сражениях. На фронте вступил в ряды ВКП (б). Это накладывало большую ответственность, ведь коммунистам приходилось первыми подниматься в атаку, выполнять самые опасные приказы командования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.